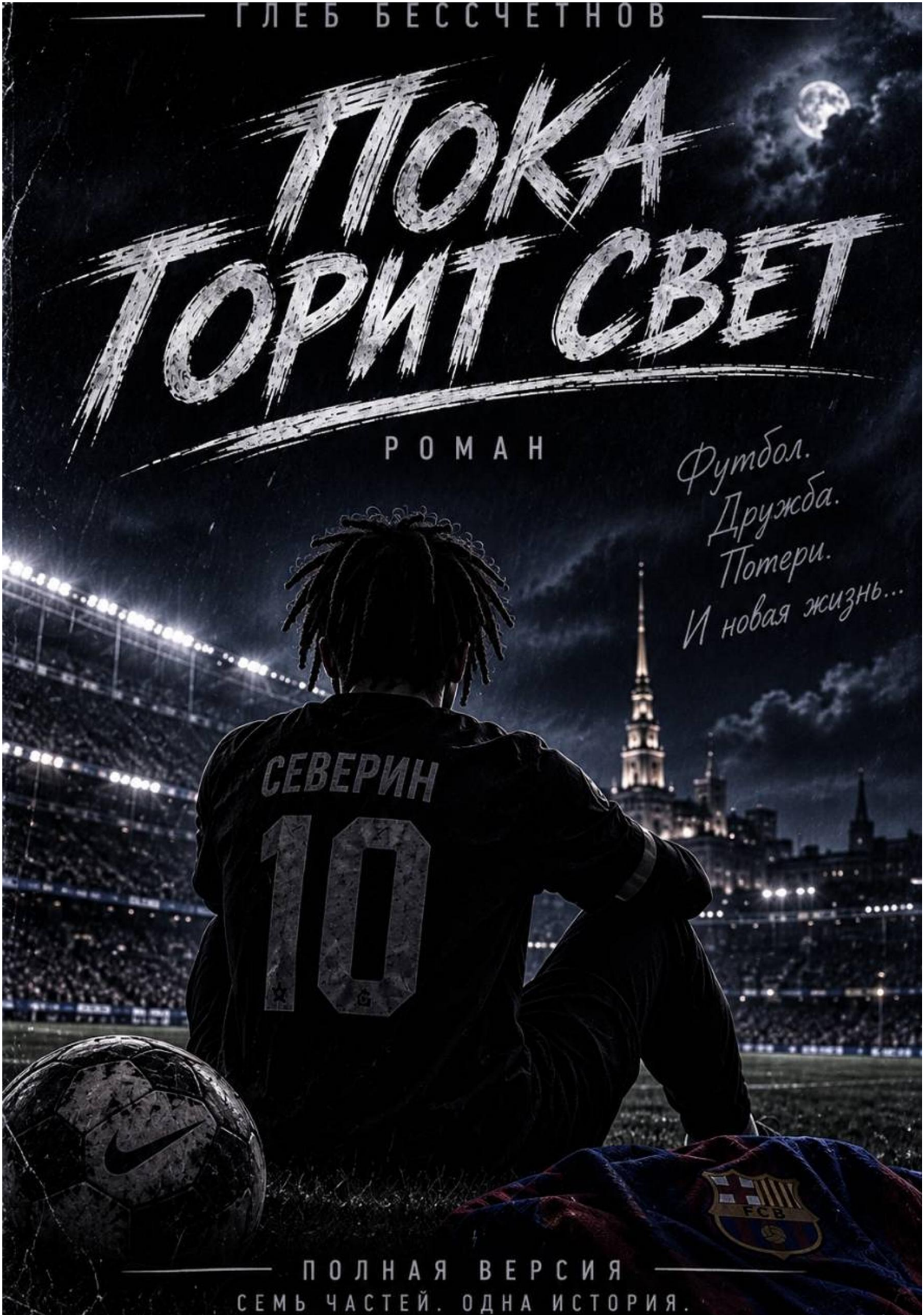
ГЛЕБ БЕССЧЕТНОВ

ПОКА ГОРИТ СВЕТ

РОМАН

Футбол.
Дружба.
Потери.
И новая жизнь...



ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

СЕМЬ ЧАСТЕЙ. ОДНА ИСТОРИЯ.

Глеб Бессчетнов

Пока горит свет

«Автор»
2026

Бессчетнов Г.

Пока горит свет / Г. Бессчетнов — «Автор», 2026

Гордей Северин привык справляться со всем самостоятельно. За спокойствием и внешним равнодушием он прячет то, о чём не хочет говорить даже самым близким. Когда-то футбол был смыслом его жизни, но обстоятельства заставили его оставить мечту. Теперь у него появляется шанс вернуться — только прежним он уже не станет.Впереди тренировки, новые испытания, старые тайны и люди, которые постепенно становятся частью его жизни. Но прошлое не собирается отпускать Гордея так легко. Семейные секреты, непростые отношения с отцом, дружба, первая любовь и потери заставят его взглянуть на себя и окружающий мир иначе.Это история не только о футболе. Она о взрослении, выборе, боли, которая не исчезает по щелчку пальцев, и людях, чьё присутствие продолжает согревать даже в самые холодные дни.Иногда, чтобы двигаться дальше, не нужно забывать прошлое. Нужно лишь найти в себе силы продолжать идти, пока горит свет.

© Бессчетнов Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 6
ПРОЛОГ. ПЕРВЫЙ СНЕГ 6
ГЛАВА 1. ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ СПРАШИВАЕТ 7
ГЛАВА 2. КОРОБКА 9
ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА 11
ГЛАВА 4. ЗАПАХ ТРАВЫ 13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 15
ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК У БОКОВОЙ ЛИНИИ 16
ГЛАВА 6. ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ ПОСЛЕ СВИСТКА 20
ГЛАВА 7. ДЕСЯТЬ МИНУТ 23
ГЛАВА 8. ЧУЖАЯ ФАМИЛИЯ 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Глеб Бессчетнов
Пока горит свет

ПОКА ГОРИТ СВЕТ
Роман

СОДЕРЖАНИЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 4
ПРОЛОГ. ПЕРВЫЙ СНЕГ 5
ГЛАВА 1. ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ СПРАШИВАЕТ 7
ГЛАВА 2. КОРОБКА 10
ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА 13
ГЛАВА 4. ЗАПАХ ТРАВЫ 16
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 19
ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК У БОКОВОЙ ЛИНИИ 20
ГЛАВА 6. ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ ПОСЛЕ СВИСТКА 28
ГЛАВА 7. ДЕСЯТЬ МИНУТ 35
ГЛАВА 8. ЧУЖАЯ ФАМИЛИЯ 44
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 52
ГЛАВА 9. ЧУЖАЯ ФАМИЛИЯ 53
ГЛАВА 10. НЕ В ТЕМП 59
ГЛАВА 11. ЛЁРА НЕ УСТУПАЕТ 65
ГЛАВА 12. ПРАВО НА ПОЛЕ 70
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ 78
ГЛАВА 13. НОМЕР, КОТОРЫЙ НЕ СОХРАНИЛИ 79
ГЛАВА 14. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ 88
ГЛАВА 15. ФОТОГРАФИЯ БЕЗ ЛИЦА 94
ГЛАВА 16. ПОКА ГОРИТ СВЕТ 102
ЧАСТЬ ПЯТАЯ 111
ГЛАВА 17. ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ 112
ГЛАВА 18. ОБЫЧНЫЙ ВЕЧЕР 116
ГЛАВА 19. УДАР 120
ГЛАВА 20. ПОСЛЕ 124
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ 130
ГЛАВА 21. ТИШИНА 131
ГЛАВА 22. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ 137
ГЛАВА 23. КОРОБКИ 143
ГЛАВА 24. НЕ ЗАМЕНЮ 152
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ 161
ГЛАВА 25. ЗАВТРА 162
ГЛАВА 26. ПУСТОЕ МЕСТО 166
ГЛАВА 27. АРХИВ 170
ГЛАВА 28. ЗАПИСЬ 175
ГЛАВА 29. СВОЯ ИГРА 179
ГЛАВА 30. ДЕВЯНОСТО МИНУТ 183
ГЛАВА 31. ПОСЛЕ СВИСТКА 188
ГЛАВА 32. ПОКА ГОРИТ СВЕТ 193

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ. ПЕРВЫЙ СНЕГ

В Петербурге снег никогда не приходит вовремя. Сначала город долго делает вид, что ничего не меняется: дождь стучит по крышам остановок, ветер гоняет по тротуарам мокрые листья, а люди каждое утро надеются, что сегодня обойдётся без очередной серой лужи под ногами. Потом однажды ночью температура падает, и к утру на подоконниках появляется тонкая белая кромка. Не зима — только обещание зимы. Но этого хватает, чтобы город на несколько минут стал другим.

Гордей Северин стоял у окна и смотрел, как редкие снежинки цепляются за стекло. На нём была большая чёрная толстовка, рукава почти закрывали ладони. Правую кисть, как всегда, обматывала чёрная лента. Три метра ткани, несколько привычных движений — и всё. Никто не спрашивал, зачем она ему. Те, кто знал Гордея давно, уже привыкли. Те, кто не знал, обычно замечали её только после того, как замечали его самого.

На столе лежали старые бутсы. Кожа на носках потрескалась, шнурки давно потеряли цвет, а на подошве застряли крошечные песчинки, которые не удалось вычистить даже после нескольких попыток. Гордей не выбрасывал их четыре года. Иногда он говорил себе, что просто забывает. Иногда — что собирается отдать кому-нибудь. Но правда была проще: выбросить их означало признать, что история закончилась.

Телефон завибрировал. На экране высветилось имя Ильи.

«Ты проснулся или опять изображаешь человека, который не существует?»

Гордей прочитал сообщение и впервые за утро усмехнулся. Ответил: «Смотрю на снег».

«Поздравляю. Снег тоже смотрит на тебя. Выходи через десять минут».

Гордей положил телефон на стол. За окном город продолжал притворяться обычным. Он посмотрел на бутсы, потом на своё отражение в тёмном стекле. Худое лицо, чёрные волосы, беспорядочные пряди, которые никак не хотели лежать так, как он задумал. Очки он снял и оставил рядом с телефоном. Без них дальние дома расплывались, превращаясь в серые прямоугольники.

Четыре года назад он думал, что футбол будет в его жизни всегда. Не потому, что так говорили взрослые, и не потому, что он мечтал о стадионах. Просто он не мог представить день, в котором не будет мяча. Потом случилось несколько вещей подряд: травма, возвращение, новая травма, долгий перерыв. Сначала он считал недели. Потом месяцы. В какой-то момент перестал считать вообще.

Он взял старые бутсы и убрал их обратно в коробку. Сегодня он не собирался надевать их. Сегодня он собирался просто выйти из дома. Иногда с этого и начинается возвращение.

ГЛАВА 1. ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ СПРАШИВАЕТ

Подъезд пах мокрой одеждой, пылью и чьим-то завтраком. Лампочка на втором этаже мигала так давно, что жильцы, вероятно, уже считали её частью интерьера. Гордей спускался медленно, придерживая телефон в кармане. На улице его встретил холодный воздух — не сильный, но настойчивый. Такой холод не заставляет дрожать сразу. Он просто постепенно напоминает, что ты вышел без шарфа.

Илья ждал у входа, прислонившись плечом к стене. Светлые кудри выбивались из-под капюшона, на плече висел рюкзак. Он держал два стакана горячего чая и выглядел так, будто уже успел устать от самого факта существования утра.

— Ты опоздал, — сказал он.

— На сколько?

— На целую эпоху. Я уже успел состариться, написать мемуары и пожалеть о знакомстве с тобой.

— Мемуары хотя бы получились?

— Нет. Главный герой слишком молчаливый. Читатели не понимают, что происходит.

Гордей взял стакан. Илья протянул ему чай без лишних вопросов — именно так он делал всегда. Не спрашивал, почему Гордей не спал, почему снова смотрел на старые бутсы или почему иногда надолго исчезал из переписок. Он мог поддеть, мог разозлиться, мог сказать прямо, что Гордей ведёт себя как идиот. Но никогда не требовал объяснений в ту минуту, когда тот не мог их дать.

Они пошли вдоль улицы. Снег уже почти растаял, оставив на асфальте тёмные мокрые пятна. Машины шуршали по дороге, в окнах автобусов мелькали лица. Петербург просыпался без особого энтузиазма.

— Ты вчера был на площадке? — спросил Илья.

— Нет.

— А позавчера?

— Тоже нет.

— Тогда у меня для тебя новость: мяч за это время не исчез. Он всё ещё круглый.

— Очень смешно.

— Я старался. Просто ты опять делаешь вид, что футбол — это слово, которое нельзя произносить вслух.

Гордей отпил чай. Он хотел ответить резко, но слова не складывались. Илья не был неправ. В последнее время Гордей избегал даже случайных разговоров о футболе. Он мог пройти мимо школьного поля, услышать удар по мячу и ускорить шаг. Мог переключить трансляцию, если на экране появлялась игра. Не потому, что разлюбил. Наоборот — потому что всё ещё любил слишком сильно.

— Я не делаю вид, — сказал он наконец. — Просто не знаю, что теперь говорить.

Илья перестал улыбаться. Несколько шагов они прошли молча.

— Тогда пока ничего не говори, — ответил он. — Но и не решай за себя заранее, что всё кончилось.

Гордей посмотрел на него. В Илье раздражало то, что он иногда умел сказать простую вещь так, что от неё было не отвертеться.

— Ты всегда такой умный по утрам?

— Нет. Только когда покупаю тебе чай. Это дорогое удовольствие.

Они свернули к небольшой площадке между домами. На покрытии лежали листья, вдоль сетки стояли две сумки. Несколько ребят играли в короткий пас, громко споря о том, кто должен был открываться. Мяч ударился о бордюр и покатился к ногам Гордея.

Он остановил его подошвой автоматически. Движение вышло точным, почти незаметным. На секунду всё вокруг отступило: разговоры, машины, холод, четыре года тишины. Остался только мяч под ногой и знакомое ощущение, будто пространство перед тобой можно прочитать заранее.

— Эй, вернёшь? — крикнул один из игроков.

Гордей поднял голову и мягко отправил мяч обратно внутренней стороной стопы. Точно в ноги.

— Спасибо! — отозвался парень.

Илья посмотрел на Гордея, но ничего не сказал. И за это Гордей был ему благодарен.

Они пошли дальше. Через минуту Илья всё-таки нарушил молчание:

— Видел? Нога помнит.

— Это был обычный пас.

— Конечно. А я просто случайно купил два чая, потому что люблю переплачивать.

Гордей покачал головой. Но впервые за долгое время ему захотелось вернуться к площадке.

ГЛАВА 2. КОРОБКА

Квартира встречала Гордея тишиной. Он привык к ней настолько, что иногда замечал её только тогда, когда возвращался после долгого дня. Здесь не звучали чужие шаги, не хлопали двери соседних комнат, никто не спрашивал, где он был и почему пришёл позже. Свобода оказалась похожа на пустую комнату: сначала в ней легко дышать, потом начинаешь различать каждый звук.

Он снял куртку, поставил чай на стол и прошёл к шкафу. Верхняя полка была заставлена коробками. В одной лежали старые фотографии, в другой — школьные тетради, в третьей — футбольные мелочи, которые он собирал ещё ребёнком: выцветшие карточки игроков, билет с матча, маленький брелок в форме мяча. Коробка с бутсами стояла отдельно.

Гордей достал её и сел на пол. Крышка поддалась не сразу. Внутри лежали бутсы, пара старых гетр и сложенная пополам фотография. На снимке он был совсем маленьким, в слишком большой форме, с грязными коленями и широкой улыбкой. Рядом стоял отец. На лице отца тоже была улыбка — редкая, почти незнакомая теперь.

Гордей долго смотрел на фотографию. Он помнил тот день не целиком, а отдельными кусками: запах мокрой травы, громкий свисток, собственную обиду из-за проигранного матча и отцовскую ладонь на плече. Тогда ему казалось, что отец всегда будет смотреть на него именно так.

Потом футбол стал для отца не игрой, а планом. Тренировки, режим, разговоры о дисциплине. Ошибки разбирались дольше, чем удачные действия. Похвала звучала редко и обычно сопровождалась уточнением, что можно было сделать лучше. Гордей долго считал, что так и выглядит поддержка. Он не знал другого способа.

С матерью было иначе. Она не повышала голос. Ей не требовалось. Иногда достаточно было короткого взгляда или молчания за ужином, чтобы Гордей понял: лучше не рассказывать, что случилось за день. Он рано научился занимать как можно меньше места — не шуметь, не спорить, не просить лишнего. Однажды он услышал разговор родителей, который не предназначался для него. Слова, сказанные почти буднично, остались с ним надолго. После них многое в прошлом стало выглядеть иначе.

Он перевернул фотографию лицом вниз. Не сегодня.

Телефон снова завибрировал. На этот раз написала Соня: «Вы с Ильёй куда пропали? Мы собираемся вечером. Приходите оба, без отговорок».

Гордей набрал: «Посмотрим».

Ответ пришёл мгновенно: «Это у тебя значит “нет”. Я уже учу русский язык по твоим сообщениям».

Он невольно улыбнулся. Соня умела говорить так, словно у неё всегда было чуть больше света, чем у остальных. Не ослепительного, не навязчивого — просто достаточно, чтобы рядом с ней становилось легче.

Гордей закрыл коробку, но не убрал её на полку. Поставил рядом со столом. Потом достал из ящика блокнот, где когда-то записывал упражнения и футбольные заметки. Большая часть страниц была заполнена неровным почерком: схемы перемещений, фамилии игроков, короткие мысли о том, как лучше открываться между линиями. На последних страницах записи обрывались.

Он перелистнул несколько листов. На одном было написано: «Не обязательно заканчивать атаку самому. Иногда правильный пас важнее гола». Ниже — стрелка и схематичное поле.

Гордей провёл пальцем по строке. Он всегда любил создавать момент больше, чем завершать его. Ему нравилось увидеть свободную зону раньше остальных, притянуть к себе защит-

ника и отдать передачу туда, где партнёр уже набирал скорость. На поле он чувствовал себя не самым громким человеком, а тем, кто соединяет остальных.

Он открыл чистую страницу и написал дату. Потом долго держал ручку над бумагой, прежде чем вывести одно слово: «Вернуться».

Слово получилось слишком крупным. Гордей посмотрел на него и не стал зачёркивать.

ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА

Вечером они встретились в маленьком кафе неподалёку от станции. Там всегда было немного шумно: кофемашина шипела, дверь хлопала от сквозняка, за соседними столиками спорили студенты. Соня уже сидела у окна. Напротив неё расположились ещё двое из их компании — Лёра и Миша. Илья пришёл первым, Гордей — следом.

— Я не верю, — объявила Соня, когда они подошли. — Вы оба всё-таки существуете.

— Мы сложные мифологические существа, — сказал Илья. — Нас нельзя вызывать без подношения.

— Я принесла тебе салфетку. Подойдёт?

— Оскорбительно, но принимается.

Гордей сел рядом с окном. Соня подвинула к нему меню, хотя он почти никогда ничего не выбирал дольше минуты. Она не стала спрашивать, почему он молчит. Вместо этого начала рассказывать, как Миша пытался доказать, что может приготовить пасту лучше любого повара, и в итоге перепутал соль с сахаром.

— Это была экспериментальная кухня, — возразил Миша.

— Это была сладкая макаронина, — сказала Лёра. — Не надо переписывать историю.

Они смеялись, перебивали друг друга, вспоминали мелочи, которые для постороннего человека ничего бы не значили. Гордей слушал и постепенно переставал чувствовать себя гостем в собственной жизни. Он не всегда умел поддержать разговор, но рядом с ними молчание не превращалось в проблему.

Когда принесли напитки, Соня посмотрела на него внимательнее.

— Ты сегодня какой-то другой.

— В смысле?

— Не знаю. Как будто немного вернулся.

Гордей опустил взгляд на стакан.

— Мы утром проходили мимо площадки. Мяч ко мне прикатился.

Илья тут же поднял палец:

— И он его остановил. Чисто. Красиво. Почти профессионально. Я был свидетелем исторического события.

— Он просто остановил мяч, — сказал Гордей.

— Не мешай мне создавать легенду.

Соня улыбнулась, но не стала превращать это в шутку.

— И что ты почувствовал?

Гордей задумался. Он мог сказать, что ничего особенного. Что это было случайно. Что не стоит делать выводы из одного касания. Но за столом сидели люди, которым он не хотел врать.

— Будто я вспомнил, кем был, — сказал он. — И одновременно понял, что уже не совсем тот человек.

Соня кивнула.

— Может, и не нужно становиться прежним. Можно стать другим. Но всё равно играть.

Он посмотрел на неё. В её словах не было обещания, что всё получится. И именно поэтому они звучали честно.

Илья откинулся на спинку стула.

— Я предлагаю завтра сходить на поле. Не тренироваться. Просто посмотреть. Если захочешь — уйдём через пять минут.

— А если не захочу?

— Тогда будем стоять до закрытия и обсуждать, почему ты такой упрямый.

— У тебя вся жизнь построена на том, чтобы меня раздражать?

— Не вся. Иногда я ем.
Снова засмеялись. Гордей тоже. И на этот раз смех не показался ему чем-то чужим.

ГЛАВА 4. ЗАПАХ ТРАВЫ

На следующий день они пришли к полю ближе к вечеру. Небо было низким, тяжёлым, но дождь пока держался где-то над городом. За сеткой тренировалась детская команда. Тренер свистел, игроки перестраивались, кто-то сердился после неудачной передачи. Обычная картина, которую Гордей видел сотни раз.

Он остановился у ограждения. Илья встал рядом, сунув руки в карманы. Некоторое время они просто смотрели.

— Помнишь, как ты в детстве пытался обвести вообще всех? — спросил Илья.

— Я не пытался обвести всех.

— Ты пытался обвести даже судью.

— Он мешал.

— Он стоял в центре поля и смотрел на игру.

— Вот именно. Мешал.

Илья тихо рассмеялся.

Гордей следил за мальчишкой на левом фланге. Тот принимал мяч слишком близко к боковой линии, терял равновесие, но всё равно пытался пройти защитника. В следующем эпизоде он поднял голову и отдал передачу в центр. Получилось неидеально, зато вовремя.

— Хороший пас, — произнёс Гордей почти про себя.

— Что?

— Ничего.

— Я слышал. Ты сказал “хороший пас”. Записываю дату.

— Илья.

— Всё, молчу.

Тренировка закончилась. Дети побежали к скамейкам, тренер собирал мячи. Один из взрослых, стоявших неподалёку, посмотрел на Гордея чуть дольше обычного. Потом подошёл.

— Ты раньше здесь играл?

— Нет. Просто смотрю.

— Футболом занимался?

Гордей помедлил.

— Занимался.

— Сейчас?

— Нет.

Мужчина кивнул, словно услышал знакомый ответ.

— Жаль. У тебя взгляд игрока.

Гордей не нашёлся, что сказать. Мужчина представился Виктором Андреевичем. Он помогал на поле и иногда проводил индивидуальные занятия. В прошлом играл на профессиональном уровне, но давно оставил большой футбол. Говорил спокойно, без громких обещаний и без привычного тренерского нажима.

— Не буду спрашивать, почему бросил, — сказал Виктор Андреевич. — Это не моё дело. Но если когда-нибудь захочешь снова потрогать мяч не случайно, приходи. Посмотрим, что осталось.

— А если ничего не осталось?

— Тогда начнём с того, что есть.

Он протянул визитку. Гордей взял её не сразу. На плотном картоне были только имя и номер телефона.

— Подумай, — добавил мужчина. — Не торопись отвечать.

Когда он ушёл, Илья посмотрел на визитку.

— Ну вот. Даже незнакомые люди уже предлагают тебе вернуться.

— Он просто увидел, что я стою у поля.

— Возможно. А возможно, заметил то, что ты сам старательно прячешь.

Гордей убрал визитку в карман. Они пошли к выходу. Ветер усилился, и с неба наконец упали первые настоящие снежинки — крупные, медленные, почти невесомые.

У ворот Гордей обернулся. Поле пустело. На искусственном покрытии остались следы от бутс и несколько забытых фишек. Он вдруг отчётливо вспомнил запах травы после дождя, звук мяча о сетку, короткий свисток перед началом упражнения. Воспоминание было таким ясным, что на мгновение ему показалось: стоит сделать шаг — и он снова там.

Но он стоял снаружи. Пока.

В кармане лежала визитка. В телефоне было сообщение от Сони: «Ну как?».

Гордей написал: «Кажется, я хочу попробовать».

Ответ пришёл не сразу. Потом экран загорелся: «Тогда попробуй. Мы рядом».

Он перечитал эти слова и убрал телефон. Снег ложился на рукава толстовки, таял на чёрной ткани и оставлял крошечные тёмные точки. Гордей поднял воротник и пошёл за Ильёй.

Впервые за четыре года дорога домой не казалась дорогой от чего-то.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Цена возвращения»

ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК У БОКОВОЙ ЛИНИИ

Утром Петербург выглядел так, будто за ночь кто-то попытался стереть его ластиком. Снег лежал на крышах тонким неровным слоем, на припаркованных машинах собирались белые шапки, а на тротуарах уже проступали серые следы чужих ботинок. Небо было низким, почти бесцветным. Гордей стоял у окна с кружкой чая и смотрел, как дворник без особого энтузиазма гоняет снег по асфальту широкой щёткой.

Телефон лежал на подоконнике экраном вверх. Сообщение от незнакомого номера пришло в 07:43: «Сегодня в 16:30. Поле номер два. Не опаздывай. Виктор Андреевич». Ни приветствия, ни объяснений. Гордей перечитал его столько раз, что слова перестали выглядеть словами и превратились в несколько чёрных линий на светлом экране.

Гордей не знал, чего ожидал. Может быть, что тренер напишет что-нибудь обнадёживающее. Может быть, что скажет: «Приходи, посмотрим, что ты умеешь». Вместо этого он назначил время так, будто он уже опаздывал на работу, которую ещё даже не получил.

— Ты смотришь на телефон так, словно он сообщил тебе результаты экзамена, — сказал Илья из-за моей спины.

Гордей обернулся. Он стоял в дверях кухни, в одной руке держал бутерброд, другой пытался пригладить волосы. Получалось плохо: светлые кудри торчали в разные стороны, будто ночью у него состоялся спор с подушкой и подушка победила.

— Тренировка сегодня, — сказал я.

— Уже тренировка? — Он посмотрел на экран. — Ничего себе. Человек даже не спросил, умеешь ли ты завязывать шнурки. Сразу в бой.

— Это не тренировка. Он сказал прийти.

— Ага. А я не ем, я просто регулярно перемещаю еду в организм.

Гордей поставил кружку на подоконник. Илья подошёл ближе, прочитал сообщение и на секунду перестал улыбаться. Это длилось недолго, но он заметил.

— Ты пойдёшь? — спросил он.

— Да.

— Тогда чего лицо такое, будто тебя вызывают к директору?

— Потому что я не знаю, что там будет.

— Это нормально. Ты же не знаешь, что будет завтра, но почему-то всё равно просыпаешься.

— Очень вдохновляюще.

— Я старался. Могу ещё добавить музыку на фоне.

Он произнёс это легко, но он видел, что он тоже нервничает. Илья всегда умел прятать беспокойство за шутками. Когда они были младше, он так делал перед контрольными, перед разговорами с учителями, перед любыми событиями, в которых не мог заранее понять, каким окажется результат. Гордей привык считать это частью его характера. Лишь иногда замечал, сколько сил уходит на то, чтобы не показать страх.

— Ты пойдёшь со мной? — спросил я.

— Конечно. Кто-то же должен убедиться, что тебя не заставят бегать круги до следующего ноября.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Вдруг тренер окажется тайным коллекционером потерянных бутс. Я обязан быть свидетелем.

Гордей отвернулся к окну, чтобы скрыть улыбку. На стекле отражалась его комната: кровать, стол, стопка книг, старые бутсы под стулом. Чёрная лента на правой руке казалась в этом отражении темнее всего остального. Гордей поправил её большим пальцем. Ткань была при-

вычной, мягкой от времени, с чуть ослабшими краями. Гордей носил её так давно, что иногда забывал о ней, пока кто-нибудь не спрашивал, зачем она нужна.

Виктор Андреевич ждал их у поля номер два. Он оказался ниже, чем он представлял, но шире в плечах. Тёмная куртка, коротко подстриженные волосы, лицо человека, который редко тратит слова впустую. В одной руке он держал папку, в другой — свисток. Рядом с ним разминались несколько ребят в одинаковых тренировочных манишках.

— Северин? — спросил он, когда мы подошли.

— Да.

— Опоздал на две минуты.

Гордей посмотрел на часы. Было 16:29.

— Сейчас без минуты половина пятого.

— Значит, ты пришёл без запаса. На поле это тоже считается опозданием.

Илья чуть повернул голову, но промолчал. Гордей почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Гордей ведь пришёл вовремя. Даже слишком рано. Но спорить не стал.

— Это твой друг? — тренер посмотрел на Илью.

— Да.

— За ограждением подождёт. Здесь посторонним делать нечего.

— Я понял, — ответил Илья. — Буду вести себя как приличный посторонний.

Виктор Андреевич не улыбнулся. Илья отступил к ограждению, поднял большой палец и показал ему, что всё нормально. Гордей снял куртку, переобулся и вышел на искусственный газон.

Первое, что он почувствовал, — запах резины и мокрой травы. Он ударил в память так сильно, что на секунду ему показалось: он снова маленький, стоял у линии и ждал, когда тренер позовёт на поле. Потом он заметил ребят. Они не смотрели на его открыто, но каждый успел оценить нового человека. Кто-то задержал взгляд на бутсах, кто-то на ленте, кто-то на его лице.

— Разомнись, — сказал Виктор Андреевич. — Пять минут. Потом посмотрим, как ты двигаешься.

Гордей начал с лёгкого бега вдоль боковой линии. Первые шаги были знакомыми, почти домашними. На третьем круге он почувствовал, как тело вспоминает старую последовательность: опора, перенос веса, поворот корпуса. Но память не означала готовность. Дыхание сбилось быстрее, чем он рассчитывал, а голеностоп отозвался слабым натяжением, когда он резко сменил направление.

Гордей замедлился.

— Что? — спросил тренер.

— Ничего. Просто разминаюсь.

— Я спросил не для того, чтобы услышать удобный ответ.

Гордей посмотрел на него. Он не повышал голос и не пытался поймать его на лжи. От этого отвечать оказалось сложнее.

— Нога иногда напоминает о себе. После старой травмы.

— Иногда — это когда?

— На резких движениях. Не всегда.

— Кто разрешил тебе возвращаться?

— Врач. Я проходил осмотр.

— Хорошо. Значит, будем смотреть не на твою смелость, а на то, что ты действительно можешь. Если почувствуешь боль — говоришь сразу. Геройствовать здесь никто не просил.

Он бросил ему мяч. Гордей принял его внутренней стороной стопы, прокатил под подошвой и вернул коротким пасом. Потом ещё раз. И ещё. Тренер менял расстояние и направление, иногда посылал мяч чуть неудобнее, заставляя перестраиваться. Гордей старался не торопиться. С каждым касанием внутри становилось тише.

— Ты левша? — спросил он.

— Да.

— Правой работаешь?

— Могу отдать простой пас. Удар хуже.

— Покажешь.

Он поставил два конуса и попросил провести мяч между ними, затем развернуться и отдать передачу в небольшие ворота. Сначала левой всё получилось чисто. Правой мяч ушёл слишком далеко. Гордей догнал его, вернулся и повторил. На третий раз получилось лучше.

— Не прячь правую ногу, — сказал тренер. — Соперник быстро поймёт, куда тебя закрывать.

— Я знаю.

— Тогда почему прячешь?

Гордей не ответил. Потому что он был прав. Гордей привык играть так, чтобы всё важное происходило под левой ногой. Раньше это работало. Теперь привычка стала стеной.

Виктор Андреевич дал знак двум игрокам. Один был высоким, с короткими тёмными волосами, второй — коренастым, с заметной ямочкой на подбородке.

— Это Артём и Кирилл. Будете играть три на одного в квадрате. Задача — сохранить мяч. Северин, смотри по сторонам. Здесь не конкурс красивых финтов.

Первую передачу он получил спиной к Артёму. Он сразу пошёл в контакт. Гордей попробовал закрыть мяч корпусом, но опоздал на полшага, и Артём выбил его в сторону.

— Ещё, — сказал тренер.

Во второй раз он отдал мяч слишком рано. Кирилл прочитал передачу и перехватил её. В третий раз он задержал мяч, ожидая, что Артём дёрнется, и потерял его под давлением.

— Ты играешь так, словно у тебя есть лишняя секунда, — сказал Виктор Андреевич. — Здесь её нет.

— Понял.

— Не отвечай. Сделай.

Гордей снова встал в квадрат. На этот раз заставил себя поднять голову ещё до приёма. Увидел Кирилла, Артёма и свободный угол. Когда мяч пришёл ко ему, он не стал разворачиваться. Одним касанием вернул его партнёру, вторым открывшись в сторону. Передача прошла между двумя игроками, и квадрат на секунду раскрылся.

— Вот, — сказал тренер. — Это уже футбол. Не надо каждый раз доказывать, что ты умеешь обыгрывать двоих. Иногда достаточно увидеть того, кто свободен.

Эти слова попали точно в то место, которое он пытался объяснить Илье в блокноте. Гордей любил создавать момент больше, чем завершать его. Но услышать это от незнакомого тренера оказалось странно. Будто он прочитал запись, которую он никому не показывал.

они продолжили. Минут через десять ноги стали тяжёлыми. Гордей начал опаздывать к мячу, а однажды не успел убрать стопу после резкого разворота. Голеностоп неприятно кольнул. Гордей сразу поднял руку.

— Стоп, — сказал Виктор Андреевич и подошёл ближе. — Что чувствуешь?

— Потянуло. Не сильно.

— На сегодня хватит.

— Я могу продолжить.

— Я не спрашивал, можешь ли ты терпеть. Я сказал, что на сегодня хватит.

ему захотелось возразить. Сказать, что он только начал, что не ради десяти минут сюда пришёл, что четыре года ожидания не могут закончиться одной остановкой. Но тренер уже смотрел на его так, словно услышал всё это заранее.

— Ты пришёл не для того, чтобы сегодня победить, Северин. Ты пришёл, чтобы мы поняли, с чего начинать. Это разные вещи.

Гордей опустил глаза на бутсы. На носке левой была царапина, которой раньше не было. Мелочь. Но почему-то именно она стала последней каплей: он почувствовал себя человеком, который вернулся в знакомое место и обнаружил, что место помнит его хуже, чем он сам.

У ограждения Илья поднялся со скамейки. Он не стал спрашивать, как всё прошло. Просто протянул ему куртку.

— Ну? — спросил он через несколько шагов.

— Он сказал, что на сегодня хватит.

— Значит, завтра будет что обсуждать.

— Он даже не сказал, возьмёт ли меня.

— А ты хотел, чтобы он выдал тебе контракт, медаль и ключи от стадиона?

— Нет.

— Тогда не делай выводов после одного занятия.

Гордей посмотрел на поле. Ребята продолжали тренировку. Свисток резал холодный воздух, мяч стучал о газон, кто-то громко требовал передачу. Гордей стоял за ограждением, а там, внутри, всё продолжалось без его.

Виктор Андреевич подошёл к калитке, когда они уже собирались уходить.

— В четверг в то же время. Но сначала проверь ногу у врача и принеси заключение. Без него дальше не пойдём.

— Хорошо.

— И ещё. Не покупай себе место в команде красивыми историями о прошлом. Мне всё равно, сколько лет ты играл раньше. Я смотрю на то, что ты делаешь сейчас.

Гордей кивнул. Он развернулся и ушёл обратно на поле.

На улице Илья сунул руки в карманы и посмотрел на его сбоку.

— Ну что, — сказал он. — Кажется, этот человек умеет разговаривать так, чтобы после каждого предложения хотелось сдать экзамен.

Гордей усмехнулся, но внутри продолжал звучать голос тренера: «Я смотрю на то, что ты делаешь сейчас». Впервые за долгое время прошлое не помогало ему. Оно было просто прошлым. И если он хотел снова выйти на поле, ему предстояло построить всё заново.

ГЛАВА 6. ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ ПОСЛЕ СВИСТКА

Вечером он долго сидел на полу возле кровати. Бутсы стояли передо им, носками к двери. Гордей вычистил подошву, протёр боковые панели влажной салфеткой и оставил их сохнуть на старом полотенце. Нога почти не беспокоила, но он всё равно несколько раз осторожно проверил движение стопы, будто мог заранее обнаружить то, что случится в четверг.

На столе лежал блокнот. Гордей открыл страницу, где записывал футбольные мысли, и добавил: «Не задерживать мяч. Поднимать голову до приёма. Правая нога». Ниже написал: «Не пытаться доказать всё за одну тренировку». Последнюю строчку перечитал дважды и закрыл блокнот.

Телефон завибрировал. Соня прислала сообщение: «Ну как прошло? Илья сказал, что тебя не выгнали. Уже успех».

Гордей набрал: «Пока не знаю». Стер. Написал: «Нормально. Тренер строгий». Отправил.

Ответ пришёл почти сразу: «Строгий — не значит плохой. А нога?»

«Нормально. Но он отправил меня провериться». «И правильно сделал. Не геройствуй, пожалуйста». Я хотел ответить шуткой, но не придумал ничего подходящего. Соня не пыталась подбодрить меня пустыми словами. Она просто говорила то, что считала правильным. Иногда это раздражало сильнее, чем чужие советы, потому что с ней не получалось спорить ради самого спора.

«Проверюсь», — написал Гордей.

Она поставила реакцию в виде маленькой галочки. Разговор закончился, но телефон он не убрал. Несколько минут смотрел на экран, ожидая, что появится ещё одно сообщение. Потом поймал себя на этом и положил его на стол.

На следующий день он сходил на осмотр. Врач внимательно выслушал, что именно происходило на тренировке, проверил подвижность и объяснил, что возвращаться нужно постепенно. Никаких резких увеличений нагрузки. Если боль усиливается или появляется отёк — остановиться и прийти снова. Гордей слушал, задавал вопросы и записывал рекомендации. ему хотелось получить простое разрешение: можно играть. Но взрослые, отвечающие за здоровье, редко говорят такими словами. Они говорят о нагрузке, восстановлении и осторожности.

Когда он вышел на улицу, снег уже растаял. На тротуаре осталась только вода, в которой отражались фонари. Гордей достал телефон и отправил Виктору Андреевичу фотографию заключения. Через несколько минут пришёл ответ: «Принял. В четверг посмотрим».

В четверг он пришёл за двадцать минут. Илья не смог пойти: у него была репетиция в школьном музыкальном кабинете. Он написал, что постарается успеть хотя бы к концу. Гордей не стал отвечать, что не обязательно. ему хотелось, чтобы он был рядом, но он не хотел превращать это в просьбу.

На поле уже шла разминка. Виктор Андреевич поздоровался коротким кивком, посмотрел на его обувь и спросил, как нога. Гордей ответил честно: лучше, но после вчерашней прогулки немного устала. Он выслушал и изменил план занятия. Вместо интенсивных рывков дал ему упражнения с мячом и работу на коротких дистанциях.

— Сегодня будем смотреть, как ты принимаешь решение, — сказал он. — Не насколько быстро бежишь. Скорость без понимания — просто шум.

Он поставил несколько маленьких ворот и разделил игроков на пары. Нужно было получить мяч, оценить положение соперника и выбрать один из двух вариантов: сохранить владение или обострить передачей. На первый взгляд упражнение казалось простым. На деле оно требовало постоянно смотреть вокруг, менять положение корпуса и не зацикливаться на мяче.

В первой серии он ошибся три раза. Один раз не заметил игрока за спиной, второй — слишком рано отдал передачу, третий — выбрал рискованный пас, хотя рядом был свобод-

ный партнёр. Артём, тот самый высокий парень с прошлого занятия, после очередной ошибки хмыкнул.

— Ты всё время хочешь сыграть красиво, — сказал он.

— Не всё время.

— Сейчас хотел.

Гордей хотел ответить, но Виктор Андреевич свистнул и подозвал их.

— Артём, если видишь ошибку, объясни, что сделал бы сам. Северин, если не согласен — покажи на следующем повторе. Мы здесь не для разговоров о том, кто красивее играет.

Артём пожал плечами. Гордей вернулся на позицию. В следующей серии получил мяч и вместо передачи вперёд сыграл назад, сохранив владение. Никакой эффектной комбинации не получилось. Но через два касания мяч снова оказался у его, и на этот раз он увидел свободный коридор между защитником и боковой линией. Передача прошла туда, куда нужно. Партнёр успел принять её и продолжить атаку.

— Лучше, — сказал тренер. — Не путай смелость с поспешностью.

Слова звучали просто, но он чувствовал, как трудно ему даётся это различие. Четыре года он представлял возвращение как момент, в котором снова окажусь собой. Будто достаточно надеть бутсы, выйти на поле — и всё вернётся. Но тело изменилось. Скорость изменилась. Другие ребята играли вместе, знали движения друг друга, чувствовали ритм. А он пытался догнать их, не понимая, что сначала нужно научиться двигаться рядом.

В конце занятия тренер собрал их у центрального круга.

— В субботу будет контрольная игра. Два тайма по двадцать минут. Северин, сыграешь часть второго. Не больше десяти минут, если всё будет нормально.

Гордей поднял голову.

— С командой?

— Нет, с оркестром. Конечно, с командой.

Кто-то из ребят усмехнулся. Гордей не стал улыбаться. Десять минут звучали одновременно слишком мало и почти невероятно.

— Не воспринимай это как обещание постоянного места, — продолжил Виктор Андреевич. — Это проверка. Ты выйдешь, выполнишь задачу и вернёшься на скамейку. Если почувствуешь дискомфорт — сразу скажешь. Понял?

— Понял.

— Хорошо. И запомни: не нужно за десять минут спасать футбол. Играй в то, что видишь.

Когда тренировка закончилась, Илья уже стоял у ограждения. На плече висел чехол с клавишами, волосы растрепались от ветра.

— Я пропустил самое интересное? — спросил он.

— В субботу контрольная игра. Мне дадут минут десять.

Илья несколько секунд смотрел на его, а потом медленно поднял обе руки, словно объявлял победителя.

— Дамы и господа, человек официально возвращается в футбол. Прошу не толкаться, автографы после матча.

— Не начинай.

— Я даже не начал. Я только открыл мероприятие.

Он улыбался, но потом заметил, что он всё ещё смотрел на поле.

— Боишься? — спросил он уже тише.

— Да.

— Хорошо.

Гордей повернулся к нему.

— Что значит «хорошо»?

— Значит, тебе не всё равно. Было бы хуже, если бы ты вышел туда с видом человека, которому всё заранее принадлежит.

они пошли к остановке. Илья рассказывал о репетиции: они пытались записать короткую композицию, но микрофон ловил каждый шорох, а один из ребят постоянно сбивался на вступлении. Он говорил быстро, размахивал руками, изображал звук гитары и смеялся над собственными объяснениями. Гордей слушал и постепенно переставал думать о субботе.

У остановки он вдруг замолчал.

— Кстати, — сказал он, — ты когда-нибудь думал, что будет, если у тебя получится?

— В смысле?

— Ну, если ты реально вернёшься. Если начнёшь играть, потом попадёшь в сильную команду, уедешь. Ты представляешь, что тогда?

Гордей пожал плечами.

— Буду играть.

— А кроме футбола?

Гордей посмотрел на дорогу. Автобус ещё не появлялся.

— Не знаю.

— Вот и я иногда не знаю, что буду делать, если музыка не получится.

Он произнёс это неожиданно спокойно. Гордей повернулся к нему. Илья смотрел на собственные кроссовки, носком отодвигая маленький комок снега у бордюра.

— У тебя получается, — сказал я.

— Пока получается играть в школьном кабинете и записывать куски на телефон. Это не совсем то же самое, что заниматься музыкой всерьёз.

— Но ты же хочешь попробовать.

— Хочу. Просто иногда кажется, что все вокруг уже знают, кем станут. А я всё ещё собираю из звуков что-то, что никто, кроме меня, не понимает.

Гордей вспомнил, сколько раз Илья включал ему свои записи. Некоторые были короткими, почти незаметными — несколько аккордов, ритм, мелодия, которая обрывалась прежде, чем успевала стать песней. Гордей всегда говорил, что ему нравится. Иногда ему действительно нравилось, иногда он просто не знал, что сказать. Но он никогда не думал, что для него это настолько важно.

— Покажи мне новую, — сказал я.

Он поднял голову.

— Какую?

— Которую вы сейчас записываете.

— Она ещё не готова.

— Мне не нужно готовое.

Илья некоторое время молчал, а потом кивнул.

— Ладно. Но если скажешь, что там не хватает баса, я тебя заблокирую.

— Я не знаю, что такое бас.

— Вот именно. Поэтому есть шанс, что мы подружимся ещё на несколько лет.

Автобус подъехал, двери открылись, и разговор растворился в шуме мотора. Но впервые за долгое время он понял, что возвращение нужно не только ему. они оба стояли перед чем-то, чего хотели, и оба боялись, что однажды придётся признать: мечта оказалась больше наших возможностей.

ГЛАВА 7. ДЕСЯТЬ МИНУТ

В субботу он проснулся раньше будильника. За окном было темно, хотя часы показывали уже девять. Петербург словно задержал утро: фонари ещё горели, мокрые ветки тянулись к стеклу, а редкие машины оставляли на дороге длинные полосы воды.

Гордей не включал музыку. Не открывал телефон. Просто лежал и слушал, как в соседней квартире кто-то двигает стул, как по трубе проходит вода, как холодильник на кухне время от времени гудит и замолкает. Обычные звуки. Они помогали не думать о том, что через несколько часов он снова выйду на поле не как человек за ограждением, а как игрок.

На столе лежали бутсы, гетры и форма. Гордей собрал всё с вечера, проверил дважды, а утром всё равно открыл сумку и убедился, что ничего не забыл. Чёрную ленту на правой руке он поправил отдельно. Узел лёг чуть туже, чем обычно. Гордей ослабил его, чтобы ткань не давила на кожу.

Илья пришёл за час до игры. На этот раз без шуток с порога. Он посмотрел на сумку, потом на его.

— Готов?

— Нет.

— Отлично. Я тоже не готов смотреть, как ты будешь нервничать. Пойдём.

По дороге он рассказывал о вчерашней репетиции. Оказалось, они наконец записали черновик, но один фрагмент ему не нравился. Он хотел переделать вступление, а остальные считали, что и так нормально. Илья говорил об этом с такой серьёзностью, что он невольно улыбнулся.

— Ты смеёшься? — спросил он.

— Нет.

— У тебя лицо смеётся. Не отрицай очевидное.

— Просто ты споришь о трёх секундах музыки так, будто от них зависит судьба мира.

— Иногда от трёх секунд зависит вся песня.

— А иногда вся песня зависит от того, что ты перестанешь спорить и допишешь её.

Он посмотрел на его и медленно кивнул.

— Неплохо. Запишу. Потом скажу, что это моя мысль.

У поля их встретил холодный ветер. На искусственном покрытии блестели капли. Игроки уже разминались, тренер стоял у боковой линии и разговаривал с помощником. Гордей переобулся, затянул шнурки и вышел на разминку.

Первые двадцать минут прошли как обычно: лёгкий бег, суставная разминка, передачи в парах. Гордей старался не выделяться, но ощущал взгляды. Артём, проходя мимо, сказал:

— Ну что, десять минут славы?

— Посмотрим.

— Главное, не забудь, в какую сторону ворота.

Гордей посмотрел на него. Он улыбался, ожидая ответа. Раньше он бы обязательно что-нибудь сказал. Сейчас просто вернулся к упражнению. ему не хотелось отдавать ему ни одной лишней мысли.

Матч начался. Гордей сидел на скамейке, рядом с запасными. Команда играла в четыре защитника, двух центральных полузащитников, двух крайних и нападающего. Виктор Андреевич постоянно перемещался вдоль линии, подсказывал, когда сужать пространство и когда поднимать прессинг. Его голос был резким, но не громким. Каждое замечание касалось конкретного действия.

Первый тайм закончился без голов. Наши несколько раз подходили к штрафной, но последний пас не проходил. Артём дважды открывался за спину защитнику, однако полуза-

щитник не замечал рывок. На перерыве тренер собрал игроков у скамейки и коротко разобрал ошибки.

— Не торопимся с передачей в центр, — сказал он. — Сначала растяните их. Крайние должны давать ширину. Если закрыли один фланг, переводите мяч, не пытайтесь пролезть через троих.

Он посмотрел на его.

— Северин, готовься. Через пять минут выйдешь вместо Кирилла. Сыграешь слева. Не уходи постоянно в центр. Сначала держи ширину, потом ищи момент.

Гордей кивнул. Сердце ударило сильнее. Пальцы сами нашли край чёрной ленты. Гордей перестал трогать её, когда понял, что делал это уже в третий раз.

Когда его позвали, он снял жилет и подошёл к боковой линии. Судья проверил бутсы, тренер указал на позицию. Гордей сделал шаг на поле.

И вдруг всё стало очень простым. Передо им был газон, справа — партнёр, слева — свободная линия. Где-то впереди соперник, который пока не знал, что он собирался делать. Никаких воспоминаний, никаких разговоров о четырёх годах. Только мяч и расстояние между людьми.

Первую передачу он получил почти сразу. Полузащитник отдал её вдоль линии, и он принял мяч левой ногой. Защитник вышел навстречу, чуть согнув колени. Гордей качнул плечом, будто собирался уйти к центру, и прокинул мяч вдоль бровки. На втором шаге почувствовал, как соперник зацепился за движение, а он уже оказался сбоку от него.

Гордей не стал тянуть до штрафной. Поднял голову и увидел Артёма, который открывался между защитниками. Передача получилась неидеальной — чуть сильнее, чем нужно, — но Артём успел подставить ногу. Защитник выбил мяч на угловой.

— Хорошо! — крикнул Виктор Андреевич.

Гордей вернулся на позицию. Внутри всё ещё шумело, но теперь это был не страх. Это было знакомое напряжение игры, когда каждое решение нужно принимать раньше, чем успеешь его обдумать.

Через пару минут мяч снова пришёл ко ему. На этот раз защитник не бросился вперёд. Он отступал, закрывая проход вдоль линии. Гордей посмотрел в центр и заметил свободного полузащитника. Передача была очевидной, но он всё равно задержал мяч на лишнее касание. Соперник успел подойти и выбил его за боковую.

— Быстрее, Северин! — крикнул тренер.

Гордей сжал зубы и поднял руку, показывая, что понял.

Следующий эпизод случился на чужой половине. их центральный полузащитник перехватил передачу и сразу отправил мяч вперёд. Гордей стартовал по левому краю, но защитник оказался ближе. Вместо того чтобы пытаться обогнать его, он притормозил и открылся под передачу назад. Мяч пришёл ко ему, он одним касанием вернул его в центр и продолжил движение за спину соперника.

Полузащитник понял идею. Он сыграл в свободную зону, и он успел принять мяч уже возле штрафной. Вратарь сместился к ближнему углу. Артём находился перед воротами, но его держали двое. Гордей мог ударить сам. Угол был не идеальным, однако шанс существовал.

Вместо удара он отдал передачу назад, под набегающего партнёра.

Тот пробил с ходу. Мяч прошёл рядом со штангой.

Гордей остановился и выдохнул. Момент был хорошим, но результата не было. На секунду внутри поднялось знакомое чувство: будто он снова сделал недостаточно. Потом вспомнил слова тренера — играть в то, что видишь. Гордей увидел партнёра, отдал ему мяч. Это было правильное решение. Удар — уже его работа.

На скамейке Илья стоял, вытянув шею. Он что-то кричал, но ветер уносил слова. Когда он посмотрел в его сторону, он показал два больших пальца.

Матч продолжался. Гордей успел ещё раз отработать в обороне, вернуться за защитником и закрыть линию передачи. В одном эпизоде соперник попытался пройти его на скорости. Гордей выбрал правильное положение корпуса и вынудил его уйти к боковой линии. Никакого красивого отбора не получилось, но атака остановилась.

На восьмой минуте он почувствовал усталость. Не резкую боль, а тяжесть, которая постепенно собиралась в ногах. Гордей сделал глубокий вдох, посмотрел на табло и понял, что времени почти не осталось.

На девятой минуте их команда заработала штрафной. Мяч стоял немного левее центра. Гордей находился рядом с боковой линией и видел, как защитники соперника выстраиваются у штрафной. Виктор Андреевич показал рукой, чтобы он остался шире. Гордей подчинился.

Подача получилась высокой. Вратарь вышел и выбил мяч кулаками. Он отлетел к краю штрафной, где его подобрал их полузащитник. Тот попытался пробить, но попал в защитника. Мяч отскочил ко ему.

Передо им оказался игрок соперника. За спиной — линия поля. В центре — несколько наших. Гордей мог попытаться обыграть защитника, но видел, что он ждёт именно этого. Поэтому сделал короткий пас назад, получил мяч снова через партнёра и сместился на полшага внутрь. Защитник дёрнулся за им. Этого хватило, чтобы освободить коридор для передачи на дальнюю штангу.

Гордей отправил мяч туда низом.

Артём не успел к нему. Зато успел другой игрок — тот самый коренастый Кирилл. Он подставил ногу, и мяч пересёк линию ворот.

На секунду никто не понял, что произошло. Потом команда закричала. Кирилл побежал к угловому флажку, остальные бросились за ним. Гордей остался на месте, тяжело дыша. Это была не голевая передача в официальном протоколе, возможно, даже не предголевой пас. Но он знал, что именно его передача изменила направление атаки.

Виктор Андреевич посмотрел на его и коротко кивнул.

Через минуту он поднял табличку с заменой. Десять минут закончились.

Гордей вышел за линию и сел на скамейку. Нога не болела, но он чувствовал усталость и странную пустоту. Хотелось вернуться на поле. Хотелось сыграть ещё пять минут, ещё десять, ещё один тайм. Хотелось, чтобы матч не заканчивался.

— Ну? — Илья появился рядом, когда игра закончилась. — Как ощущения?

— Нормально.

— Нормально — это когда ты забыл, как разговаривать, или когда всё прошло хорошо?

— Я отдал передачу перед голом.

— Я видел. Кирилл чуть не улетел за сетку вместе с мячом.

— Но забил.

— Вот именно. Значит, передача была хорошая.

Гордей посмотрел на поле. Ребята собирали конусы, тренер разговаривал с помощником. ему хотелось услышать его мнение, но он не хотел подходить первым. Вдруг он скажет, что всё было случайностью. Или что он медленный. Или что ему ещё рано.

Виктор Андреевич сам подошёл ко ему.

— Неплохо, — сказал он.

Гордей ждал продолжения.

— В первом эпизоде слишком долго держал мяч. В конце правильно увидел свободную зону. В обороне не выключался. Физически пока тяжело, это заметно. Но сегодня ты сыграл командно.

— Спасибо.

— Не за что. В понедельник приходи на общую тренировку. Пока будешь заниматься по индивидуальному плану и подключаться к части упражнений. Посмотрим, как выдержишь неделю.

Он уже собирался уйти, но он спросил:

— Значит, я могу остаться?

Тренер остановился.

— Я сказал, что приходи в понедельник. Не придумывай себе больше, чем я сказал. Место в составе ещё нужно заработать.

— Понял.

— И Северин.

— Да?

— Не бойся отдавать мяч. Хороший крайний нападающий не обязан заканчивать каждый эпизод сам. Но он обязан понимать, когда нужно взять игру на себя. Учись чувствовать разницу.

Гордей кивнул. Он ушёл, а Илья посмотрел на его так, будто пытался не улыбаться слишком широко.

— Понедельник, — произнёс он торжественно. — У нас теперь есть расписание. Надо купить календарь, отметить дату и сообщить родственникам.

— Не начинай.

— Я просто рад.

Гордей посмотрел на него. Он действительно был рад. Без шутки, без притворства. И это почему-то оказалось важнее слов тренера.

На обратном пути они зашли в небольшую пекарню возле остановки. Илья купил две булочки, одну сунул ему в руку и уселся у окна. За стеклом люди торопились по мокрому тротуару, прятали лица в шарфы, обходили лужи. Обычный субботний вечер. Ничего в городе не изменилось из-за того, что он провёл на поле десять минут.

— Ты доволен? — спросил Илья.

Гордей посмотрел на булочку, потом на свои руки. Чёрная лента чуть выбивалась из-под рукава.

— Не знаю. Я думал, что когда снова выйду на поле, почувствую, будто вернулся домой.

— А почувствовал?

— Как будто пришёл в дом, где давно не был. Вроде всё знакомое, но вещи стоят немного иначе.

Илья кивнул.

— Тогда придётся привыкать заново.

Гордей откусил булочку. Она была слишком горячей, и он обжёг язык. Илья засмеялся, но не стал говорить, что это знак судьбы или начало новой эпохи. Он просто подвинул ко ему стакан воды.

Вечером, уже дома, он открыл блокнот. На новой странице написал дату и несколько строк: «Десять минут. Один голевой эпизод. Ошибки были. Нога выдержала. В понедельник — снова». Гордей хотел добавить что-нибудь важное, но не нашёл слов.

Вместо этого нарисовал маленькое поле и отметил на нём точку у левой бровки штрафной. Оттуда он отдал передачу. Гордей обвёл точку один раз, потом второй.

За окном снова пошёл снег. На этот раз он не притворялся первым. Он просто падал — спокойно, без обещаний, без громких слов. Гордей выключил свет и оставил блокнот открытым на столе.

ГЛАВА 8. ЧУЖАЯ ФАМИЛИЯ

В понедельник он пришёл на поле раньше всех, кроме тренера. Виктор Андреевич уже расставлял фишки, а рядом с воротами лежали мячи в сетке. Он посмотрел на его, когда он подошёл, и указал на дальнюю часть площадки.

— Разминка самостоятельно. Потом подключишься к группе. Если что-то почувствуешь — сразу говоришь.

— Хорошо.

— И не надо сегодня пытаться повторить субботу. Контрольная игра закончилась. Сейчас обычная работа.

Гордей переобулся и начал разминаться. Постепенно подтягивались остальные. Кто-то здоровался, кто-то проходил мимо. Артём бросил взгляд на его, но ничего не сказал. Кирилл, наоборот, подошёл и хлопнул по плечу.

— Хорошо отдал тогда, — сказал он. — Я уже думал, мяч уйдёт за линию.

— Ты успел.

— Повезло, что ты не стал бить сам.

Он сказал это без насмешки, и он впервые почувствовал, что на поле его могут видеть не только как чужого.

Тренировка началась с игры в позиционном квадрате. Команды менялись каждые несколько минут. ему досталась манишка синего цвета. Гордей встал слева, но Виктор Андреевич несколько раз просил его смещаться ближе к центру, чтобы открывать коридор защитнику, который подключался по флангу.

— Не стой на линии, если там уже есть партнёр, — говорил он. — Освободи пространство. Потом вернёшься туда, где будешь опасен.

Гордей пытался выполнять указания, но иногда забывал смотреть за спину. В одном эпизоде получил мяч и развернулся прямо в соперника. Тот легко отобрал его.

— Северин, голова! — крикнул тренер.

Гордей поднял руку и вернулся в позицию. Следующий раз заставил себя посмотреть через плечо до приёма. Увидел давление и сыграл в одно касание. Мяч пошёл дальше, атака продолжилась.

После упражнения тренер остановил игру и собрал их вокруг себя.

— У каждого из вас есть привычки, — сказал он. — Кто-то слишком рано ускоряется, кто-то смотрит только на мяч, кто-то боится ошибиться и выбирает самый безопасный вариант. Привычка полезна, пока помогает. Когда мешает — от неё нужно избавляться. Северин, это тоже касается тебя.

Гордей кивнул.

— Ты видишь поле неплохо. Но иногда хочешь заранее придумать правильное решение. Футбол быстрее твоих мыслей. Учись замечать, а не рассчитывать каждый шаг.

Эта фраза раздражала его, потому что он не понимал, как выполнить её на практике. Замечать — звучало просто. Но когда вокруг двигались десять человек, мяч летел по газону, а тренер требовал решения за секунду, мысли всё равно начинали толкаться в голове.

Следующее упражнение было на переход из обороны в атаку. После отбора нужно было за несколько передач доставить мяч на фланг, а затем завершить атаку. Гордей несколько раз опаздывал к началу эпизода. Ноги не успевали за темпом, и дыхание становилось тяжёлым. Когда упражнение закончилось, он сел на корточки и опустил голову.

— Встань, — сказал Виктор Андреевич. — Отдыхать можно стоя. Не надо каждый раз складываться пополам.

Гордей выпрямился и сделал несколько глубоких вдохов.

— Устал?

— Да.

— Это видно. Но не только физически. Ты после каждой ошибки будто несёшь её с собой до следующего эпизода. Отпускай быстрее.

Гордей вытер лицо рукавом.

— Я стараюсь.

— Старайся не думать о том, что уже закончилось. Следующий эпизод не обязан повторять предыдущий.

В конце тренировки тренер попросил всех задержаться. Он объявил, что через две недели команда сыграет товарищеский матч с клубом из другого района. Состав ещё не определён. Будут смотреть на посещаемость, дисциплину и работу на тренировках.

Гордей слушал и понимал, что речь не обо ему одном. Для остальных это был обычный матч, ещё одна возможность показать себя. Для его — очередная ступенька, на которую нельзя было запрыгнуть одним желанием.

После занятия он задержался, чтобы собрать мячи. Виктор Андреевич заметил это, но ничего не сказал. Когда он принёс сетку к складу, он стоял у двери и просматривал записи в папке.

— Северин, подойди.

Гордей остановился.

— Сколько тебе было, когда ты перестал играть?

— Двенадцать.

— А сейчас шестнадцать?

— Да.

— Четыре года. За это время ты мог бы вырасти в игрока, набрать опыт, попасть в другую команду. Вместо этого начинаешь почти с нуля. Ты понимаешь, что догонять придётся долго?

— Понимаю.

— Не уверен. Многие приходят сюда с красивой историей. Кто-то играл в детстве, кто-то был лучшим во дворе, кто-то однажды забил пять голов. История не делает игрока сильнее. И желание тоже. Работать придётся каждый день, даже когда никто не будет смотреть.

— Я готов.

Тренер закрыл папку.

— Посмотрим. Пока у тебя есть шанс. Не путай его с гарантией.

Гордей вышел за ворота и увидел Илью. Он сидел на низком бетонном бортике, рядом стоял чехол с клавишами. На коленях у него лежал телефон, экран был заполнен звуковыми дорожками.

— Ты сегодня долго, — сказал он.

— Тренировка затянулась.

— Я заметил. У меня за это время успел разрядиться телефон, зарядиться, снова разрядиться и морально состариться.

— Ты мог уйти.

— Мог. Но тогда кто бы оценил твою походку после тренировки?

они пошли к остановке. По дороге Илья показал ему запись. На экране двигались несколько полос, одна была отмечена жёлтым цветом. Он объяснил, что пытается совместить клавиши с ритмом ударных, но вступление звучит слишком резко.

— Вот здесь, — сказал он и включил фрагмент.

Из динамика телефона полилась тихая мелодия. Сначала несколько низких нот, потом короткий ритм, потом поверх него появилась простая тема. Она была немного неровной, но в ней было что-то тёплое. Гордей не знал названий аккордов и не мог объяснить, почему ему нравится. Просто слушал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.